

“Уходящая натура”

За что бурлак любил березу, или Как сибирский медведь превратился в печального демона

“Бедненький ты мой! Судьба твоя — как у Федора Ивановича Шалапина: начинаешь с бродяжничества!..”, — воскликнула потрясенная народная артистка Катульская, когда узнала, что на прослушивание в Московскую консерваторию юный бас Лень Харитонов прибыл из “кутузки” на Киевском вокзале, где сердобольный милиционер дал непрошеному столичному гостю приют на несколько дней.

Слова Катульской, инстинктивно связавшей судьбу сибирского паренька с именем великого певца, оказались буквально пророческими.

Родился Леонид Михайлович в 1938 году в охотничьем селе Голуметь Иркутской области. В результате “обострения классовых борьбы” остался он без родительского попечения и с двенадцати лет бродяжничал. Однажды, празднуя в иркутском ресторане удачную продажу привезенного из тайги рысенка, спел “Славное море, священный Байкал”. Зал взорвался аплодисментами, а находившийся там директор областной филармонии Л.Ф. Либерзон немедленно подсел к столу и уговорил на следующий день встретиться. На прослушивании в филармонии состоялась еще одна важная встреча — с московским дирижером А.С. Львовым, приехавшим для организации в Иркутске оперного ансамбля.

После двух лет занятий и работы в этом ансамбле начинающий осознавать свое призвание Харитонов по настоянию “первооткрывателей” был отправлен для получения профессионального образования в столицу, где, пережив непредвиденные мытарства, предстал наконец перед взыскательной консерваторской комиссией, возглавляемой самим Свешниковым. Вот тогда-то и прозвучало участливое восклицание Катульской. Итог прослушивания и собеседования был более чем благоприятный: несмотря на уже начавшиеся занятия, зачислить на подготовительные курсы при консерватории!

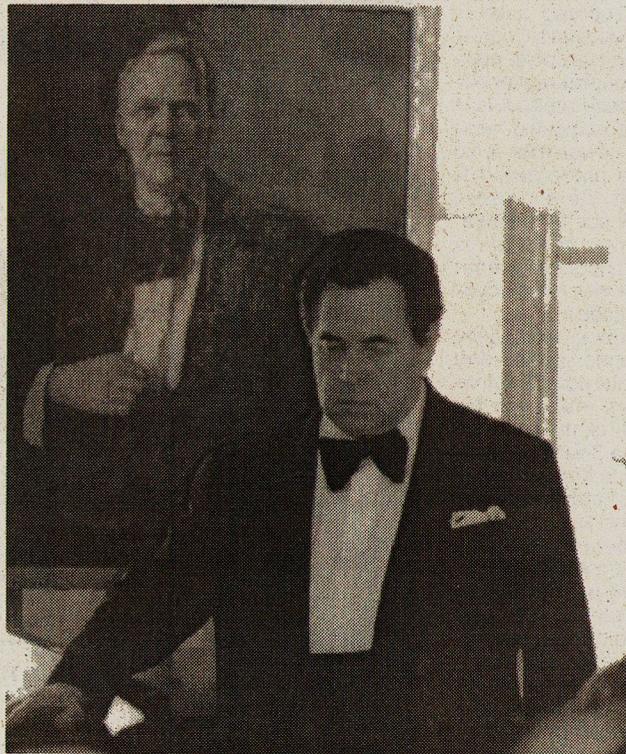
Знаменитости не зря вози-

лись с самородком: Леонид Харитонов стал солистом Краснознаменного ансамбля песни и пляски, затем Московской филармонии. Не только на родине, но и в десятках стран мира он обрел популярность как выдающийся исполнитель русских романсов и вокальных произведений классического репертуара. Недавний сольный концерт в Доме-музее Ф.И.Шалапина и прошедшая затем телевизионная передача “Звезда Леонида Харитонина” вновь доставили слушателям искреннюю радость от соприкосновения с самообытным, немеркнувшим от времени талантом. Да и для самого певца, “делавшего жизнь с Шалапина”, выступление в доме своего боготворимого духовного наставника стало неким итоговым событием. Это обстоятельство определило настрой и главную тему нашей беседы.

— Еще в юности, когда я впервые услышал записи Шалапина, почувствовал, что он перевернул мне душу, — рассказывает Леонид Михайлович. — Пробовал, как это случилось со многими, подражать ему, потом понял: неприлично это. А вот умению работать, анализировать музыкальные образы учусь у Шалапина всю жизнь.

— Какой из уроков Шалапина принес вам наибольшую пользу?

— Вот один из них: я стал петь только то, что глубоко познал. Например, в песне “Эй, ухнем” есть слова: “Эй, разовею мы березу, разовею мы кудряву”. Долго не знал, что это означает, почему этот куплет бурлаки пели с особым подъемом. Пошел за консультацией к профессору Чегодаеву, с дочерью

которого занимался в одном драмкружке... “Ну, здоров, сволочь!” — встретил он меня на пороге. Я в ужасе подумал: “Ну и профессор!” — “Чего обиделся? А еще о бурлаках поешь. “Сволочь”-то — это значит сволочь баржу, — начал он пояснять. — А нарицательным это слово стало потому, что люди, занимавшиеся сим промыслом, были бродягами, пропивавшими заработанные деньги вчистую. Потом объявился купец по фамилии Бурлаков, который давал этим людям работу летом, а зимой выглачивал содержание. Свои конторы он разместил по Волге, и с тех пор сволочь стали называть “бурлаковцами”.

“Ну а теперь об “Эй, ухнем” и почему там поется о березе, — перешел он к ответу на мучивший меня вопрос. — Ты знаешь, что такое туесок?” — “Да, его делали из березовой коры, брали с собой на покос. Это вроде термо-са”. — “Вот и бурлаки, налив в бутылку водочку, обвивали ее березовой корой и опускали на ночь в холодную воду. Утром, привязав бутылочку к поясу, отправлялись в путь, а на привале, в жару, раскрутив бересту, прикипали к холодному горлышку. Понимаешь, какое блаженство?”

Вот с каким чувством надо исполнять этот куплет! Потому

иностронец, не знающий этой поделки, никогда верно его не исполнит, как и многие другие русские песни.

— Слышал, что на Западе вас называли “сибирским медведем”. Почему?

— В январе 1968-го я, будучи солистом Краснознаменного ансамбля, был на гастролях в Париже и на одном концерте пел вместе с Мирей Матье. А на следующий день в прессе появилось такое заключение: “Зря наследница Эдит Piaф согласилась петь с сибирским медведем. Как только тот рявкнул — с нее слетели все перышки”.

— А правда, что вы были любимцем Брежнева?

— Да как сказать... На правительственные концерты часто приглашали. И я сам видел, как Брежнев после исполнения, например, песни “Есть на Волге утес” или “Из-за острова на стрежень” утирал глаза платком. Вот и вся любовь. А то, что до 1970 года моя семья из пяти человек жила на 26 метрах, никого не волновало... Был период, когда в заграничные поездки не пускали. Хотя в общем-то поначалу отношение ко мне было хорошее. Ухудшение началось с того момента, когда по телевидению запретили передавать “Блоху” в моем исполнении. В то время Леонид Ильич обильно раздавал награды членам Политбюро и себя не забывал. И я исполнял этот номер с некоторой люфтваузой перед словами “звезду дает”. Записи часто транслировались, пока жена Брежнева не позвонила председателю Гостелерадио Лапину: “Долго еще ты будешь издеваться над Леонидом Ильичом?” Потом меня вызвал замминистра культуры России и попросил “Блоху” больше не петь. Ну в точности как в свое время царь запретил ее петь Шалапину. После этой истории давить начали со всех сторон, уже и Брежне-

ва не было, а все продолжали, пока не дошло до увольнения из филармонии в 1987 году. Но все-таки за меня вступился тогда отдел культуры ЦК, а замминистра культуры Кочетков издал приказ о восстановлении на работе, и даже с повышением ставки. Однако концертов уже больше не давали.

— А каково ваше нынешнее положение?

— Такое же, в котором оказались и Атлантов, и Мазурок, и Образцова, и многие другие наши знаменитости. Как теперь наши, пребываем в состоянии неустойчивости. Почти по Лермонтову: “Печальный демон, дух изгнания...”

— Как вы считаете, почему так складывается? Ведь совсем недавно, после вашего концерта в Доме-музее Шалапина, я слышал, как один из известнейших деятелей искусства провозгласил, что “он готов часами сидеть под роялем и слушать ваше пение, подвязав челюсть, чтобы она не отваливалась от восторга”, — слово в слово цитирую.

— Похоже на то, что люди, представляющие русское и мировое высокое искусство, когдотемно сильно раздражают. Зато усиленно насаждается не имеющий никакого отношения к искусству беспредел. Посмотрите, чем забиты экраны телевизоров. Мы угодили в мясорубку, которая нас всех перемалывает...

Не хотелось бы на столь печальной ноте заканчивать разговор с Леонидом Михайловичем. Но что поделаешь — действительно много талантливейших людей оказались в вынужденном творческом простом, превращаются, как говорят киношники, в некую “уходящую натура”. Не по-хозяйски это.

Беседовал Валентин
НОВИКОВ.

ВЧХ